

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ОТ МИРА СЕГО

О стихах Сергея Донбая

В 70-х годах прошлого века на Кемеровской земле выросла целая плеяда молодых поэтов, с одним из которых – Николаем Колмогоровым – у меня вскоре завязалась переписка. Из неё я понял, что Колмогоров и его друзья – люди, преданные поэзии, талантливые, ищущие новые слова “о времени и о себе”, и что особенно было трогательным – открытые друг другу, радующиеся удачам каждого из своей “общаги”.

Обо всех новых поэтических именах, выросших на просторах Западной Сибири, я узнавал из колмогоровских писем: “Посылаю Вам две книжки товарищей моих А. Ибрагимова и С. Донбая”, “Предлагаю Вам книжку товарища моего Виталия Крёкова... Эта книжка, на мой взгляд, явление души, редко с такой чистотой проявляющейся у современных поэтов”.

“Ребята у нас талантливые, все держатся друг за друга, и это главное”, “Спасибо, что не забываете обо мне. А я, в свою очередь, не забуду помочь другим”.

С тех пор прошла целая жизнь. Умер Коля Колмогоров, выросли, заматерели, стали известными поэтами не только Кемеровской земли, но и всей Сибири – Борис Бурмистров, Любовь Никонова, Александр Ибрагимов, Виталий Крёков, Сергей Донбай. Каждый из них нащупал свою тропу, освоил свой поэтический мир, сказал своё слово. Бурмистров – печально-лирическое, Ибрагимов – молитвенно-христианское, Виталий – народно-лукавое, ёрническое, а Серёжа Донбай – стал из “Колмогоровской плеяды” поэтом наиболее близким к времени, к социальной жизни, к изображению и осмыслению личной судьбы на фоне аскетической, суровой уличной, но по своему бескорыстной и поэтической эпохи...

Помнится мне, что в 60-е годы прошлого века я с наслаждением сочинял свою “Калужскую хронику”. В ней не было в чистом виде жизни души, независимой от времени – в чём заключается обаяние поэзии Николая Рубцова, – в ней так же не было надвременной мифологичности Юрия Кузнецова, но в ней была близкая и дорогая мне событийность личной судьбы, её движение и развитие с разноголосицей любимых чувств, сомнений, противоречий...

И читая стихотворенья Сергея Донбая “Соцгород”, я иногда аж радостно вздрагивал, ощущая в нём приметы своего молодого жизнелюбия:

*И двухэтажные бараки
Кишат, как джунгли, ребятнёй;
И руки чешутся — для драки —
У ребятни полублатной.*

У меня было всё похоже, разве что посентиментальней, помягче:

*Весёлый быт, беспечный мир,
живучий и полуголодный,
где свой у каждого кумир
спортивный или уголовный.*

Итоговая книга Сергея Донбая окончательно определила границы его поэтического мира, это – книга судьбы, в которой всё время что-то происходит, книга, отражающая телесно-временную сущность бытия, столь милую сердцу поэта.

*Небосвод облаками намок.
Птицы ходят у талой воды.
Мокрый голубь вспорхнул из-под ног,
На асфальте оставил следы...*

*Облепиха, шиповник, сирень...
Из-под снега оттаяли вновь
Все потери: и радостный день,
И скамейка, и мяч, и любовь!*

Безжалостный, но увлекательный бег времени, пёстрые картины жизни, быстротекущие радости и печали – как всё это близко и дорого каждому из нас – и поэту, и читателю, и обычному человеку, погружённому в эту стихию с первого до последнего дня земной жизни:

*Нету больше радости и лада,
Чем отметить день рожденья свой
На виду у собственного сада,
Окружённым собственной родней.*

*Значит, на планете всё в порядке:
По меже в трусах идёт отец,
Вовремя дожди полили грядки,
Греется в теплице огурец.*

Поистине – Сергей Донбай поэт “от мира сего”. Отец, мать, сестры, дети – вот судьбоносные узлы жизни, властно притягивающие поэта к себе, именно в этой чувственной тяге, в естественной смене поколений видит он сердцевину человеческого бытия.

*Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шалёнкой маминой.*

*Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.*

Не зря же его стихи напоминают мне стихи детёныша войны, детдомовца Игоря Шкляревского, с такой же, как у старшего собрата, предметностью, хищной внимательностью к деталям, к эпохальным картинам послевоенного быта, неразрывно сросшегося с бытием великого народа и великой страны:

*Старая, старая хроника
Незабываемых лет.
Перекрути и напомни-ка
Неповторимый момент...*

Вот они! Видели! Видели!

*В звёздочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...*

*И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран!..*

И мальчик этот — может быть, в последний раз прошагавший в День Победы в ветеранской колонне по Красной площади, уже разменял девятый десяток, и поэту, запечатлевшему облик этого мальчика, уже за шестьдесят, — всё состарилось в этом мире, кроме чувства, живущего в стихах.

Вокзалы 60-х годов прошлого века, общежития, высоковольтные трассы, фэззушный народ, простонародная жизнь принадлежащих всем и каждому общественных дворов, жизнь, не знающая высоченных заборов, толстомордой охраны, видеокамер слежения, — вот стихия Сергея Донбая, подёрнутая дымкой печали и радости.

“Утром дым над химкомбинатом встаёт”, “Наш двор на лавочке сидит”, “Грохочет железнодорожная ветвь” — как всё это близко и понятно мне!

*Мы вслушались с детства в протяжный мотив
Народного хора буранов и вьюг...*

Жизнь простонародья, жизнь соцгорода, жизнь всей великой страны... И от имени этой общинной русско-советской жизни, как вызов, брошенный в лицо сегодняшнему распаду, сегодняшнему мировому порядку, сегодняшним владыкам жизни, пытающимся разделять и властвовать, звучит мужественное и трагическое стихотворенье Сергея Донбая, через много лет оправдавшего молодые надежды его друга Николая Колмогорова, стихотворенье, которое называется так по-донбаевски: “Прощаюсь с друзьями отца”:

*Вы жили во сне наяву,
В загробное время не веря,
Одно лишь советское время
Вам было сперва-наперву!..*

*Прощаюсь с друзьями отца,
Невольню его подменяя,
И очередь эта немая
Истает вот-вот до конца...*

*Оркестра гуляет мотив
От здания вашего к зданию,
А он вас встречает, я знаю,
Прощенья прося и простив.*

*Прощаюсь во сне наяву,
Прощаюсь и снова потеря,
Прощаюсь... В советское время
Одною ногою живу.*

Медленно исчезают в книге Сергея Донбая очертания соцгорода — “любимый город в синей дымке тает”, — растворяется в вечности.